

А. Ф. ШУТОВ (г. Ижевск)

СОГЛАСОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМ СЛОВОМ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ

Каково состояние синтаксической конгруэнции в современных уральских языках? (Под согласованием традиционно понимается вид подчинительной связи, при которой зависимое слово уподобляется в выражении грамматических значений господствующему слову). Согласование определений с определяемым словом характерно для прибалтийско-финских языков. В числе и падеже согласуются указательные местоимения с определяемыми существительными в венгерском языке: *ezekben a házakban* «в этих домах». Некоторое развитие получило согласование в саамских (в падеже) и мордовских (в числе) диалектах, ненецких и нганасанских говорах. Единичные слу-

чаи согласования имеются в энецком языке (см.: Основы 1974: 387; Основы 1975: 111—112, 225; Терещенко 1973: 49, 52, 58, 61). Несогласованный тип определительной связи доминирует во многих уральских языках, за исключением прибалтийско-финских.

Многие исследователи (Ф. И. Видеманн, Б. Мункачи, П. Равила, А. Клемм, Д. Р. Фокош-Фукс, П. Хайду и др.) приходят к выводу, что согласования между определением и определяемым словом в праязыке не было. В тех языках, где оно развилось, это объясняют иноязычным влиянием или результатом спонтанного развития (Fokos-Fuchs 1962: 59, 61, 120; Основы 1975: 111—112; Хайду 1985: 254). «В результате индивидуальных процессов развития в отдельных ветвях или языках появилось новое явление: согласование препозитивных определения-прилагательного, определения-местоимения и даже определения-числительного с определяемым» (Основы 1974: 397). О возникновении конгруэнции в финно-угорских (уральских) языках имеется и противоположное мнение (см., например: Anduganov 1985: 67).

В настоящей статье мы рассмотрим случаи согласования в удмуртском в сравнении с согласованием в коми языках. В удмуртском языке можно выделить согласование между препозитивным определением и определяемым словом двух типов: полное и неполное (смысловое согласование не рассматривается).

1. Полное согласование, т. е. согласование в числе и падеже, происходит в удмуртском языке в тех определительных словосочетаниях, зависимые компоненты которых (прилагательные, числительные, местоимения, причастия, существительные в косвенных падежах и др.) могут употребляться с выделительно-указательными суффиксами *-эз(-ез)*, *-ыз*: *жужытэзлы пияшлы «высокому парню (букв. тому парню, который высокий)», умойёссэ ужасьёсты «лучших рабочих», котькудйзлэн адямилэн «у каждого человека», эктйсьёсыз нылтьёс «пляшущие девушки», городысьэ вынзэ «того его брата, который в городе».* Предложения с согласованными определениями: *Кычёосыз но писпуос өвёл та пумтэм-йылтэм садын (Шир., 24) «Каких только деревьев нет в этом саду, у которого ни конца, ни края»; Меё гурезь йылъёсы тубылй ёрзилэсь бергамзэ адзыны, вож тыпы улъёсы пуксьылй выльёссэ гуръёсме кырзаны (Жужаз, 73) «Поднимался на вершины крутых гор смотреть кружение орла, сиделся под зеленые дубы петь новые мелодии».*

Рассматриваемая разновидность согласования в ранних ра-

ботах или не рассматривается, или вообще отрицается, например, у П. П. Глезденева (1921: 47), И. В. Яковлева (1927: 2). Впервые выделительно-указательная функция названных суффиксов отмечена А. И. Емельяновым (1927: 130). Эти суффиксы и их функция рассмотрены также А. А. Поздеевой (1940: 64; 1948). Подробно проанализировав сферу функционирования выделительно-указательных суффиксов, В. И. Алатырев (1970: 4, 67) отмечает, что этот суффикс «пронизывает все основные лексико-грамматические разряды слова», что определительные словосочетания, зависимое слово которых оформлено указанным суффиксом, представляют особую синтаксическую связь, близкую к приложению. С последним трудно согласиться: благодаря выделительному суффиксу *-эз(-ез)*, *-ыз* при зависимом слове определительного словосочетания осуществляется полное согласование между его компонентами в числе и падеже.

В. И. Алатырев (1970: 70—73) правильно, на наш взгляд, объясняет происхождение выделительно-указательного суффикса, его историческую связь с притяжательным суффиксом третьего лица и аккузативным окончанием: все они имеют единую форму *-эз(-ез)*, *-ыз*.

Оформленный аккузатив в отличие от неформленного содержит указание на конкретный (определенный) объект, ср.: Ми пу корама «Мы кололи дрова»; Ми толон ваем пуэз корама «Мы кололи дрова, которые привезли вчера». В связи с этим следует обратиться к коми примерам, так как в пермских языках наблюдается ряд сходных явлений в рассматриваемом аспекте. Языковеды отмечают, что в коми языках отсутствует согласование препозитивного определения с определяемым словом (СКЯ 1955: 159, 167, 180; Кривошекова-Гантман 1985: 603, 618). Однако, в коми языках имеются случаи, когда постпозитивные определения, обособляясь, принимают выделительные аффиксы и согласуются с определяемым словом. При этом слова, выступающие в роли определения (чаще прилагательные), принимают форму винительного (разрядка наша — А. Ш.) падежа на *ӧс* (согласование в падеже): к. Урожай ми быдтам бурӧс (СКЯ 1955: 167) «Урожай мы вырастим хороший»; кп. Сушка с'ои ни ӧтикӧс (Баталова 1982: 100) «Сушку я съел уже одну». В такой же позиции, после определяемого имени, обособляются в удмуртском языке определения, оформленные указанными выше выделительными аффиксами: Солэн (Ильичлэн) дышетэмезъя жутскизы но сясыкызы странаысьтымы пӧртэм шаеръёс, улосъёс — кыдӧкысьёсыз но, матысьёсыз но, бадӟымъёсыз но, пичиосыз но (Шир.,

17) «По его (Ильича) заветам поднялись и расцвели разные края и сторонки нашей страны, дальние и ближние, большие и малые».

В коми языке, как указывает А. С. Сидоров (1953: 11), обособление определения при помощи падежного суффикса может происходить и при непосредственном предшествовании определительного слова в винительном падеже определяемому: к. И шуштӧмӧс серпассӧ аддзи ме сэсь «И невеселую картинку увидел я там».

Следует обратить внимание на случаи так называемой «неполной субстантивации» (СКЯ 1955: 176) или, как это называет В. И. Алатырев (1970: 16), «прономинализации», когда употребляющиеся в роли определения слова (прилагательные, числительные и др.) при эллипсисе определяемого имени, замещая его функции, оформляются выделительным винительным падежом на *-ӧс* или определенно-притяжательным суффиксом *-ыс*, преимущественно в определенно-указательном значении (СКЯ 1955: 177—178, 183): к. Этша тыртны ӧти норма, кӧсья тыртны кыкӧс «Мало выполнить одну норму, хочу выполнить две»; Царьлӧн вӧлі куим пи: ыджыдыс — Василей, шӧркостыс — Педӧр, а медичӧтыс — Иван «У царя были три сына: старший — Василий, средний — Федор, а самый младший — Иван».

Следует отметить, что в удмуртском языке, особенно в ранних письменных источниках, препозитивные согласованные определения с выделительно-указательными суффиксами употребляются редко, преобладают примыкающие определения. В текстах Б. Мункачи (Munkácsi 1952), собранных из разных диалектов, нами зафиксировано лишь несколько примеров непосредственного предшествования согласованных определений определяемому слову, значительная часть примеров приходится на случаи, аналогичные с коми, когда определение находится в отрыве от определяемого имени, в обособленной позиции и очень часто при эллипсисе определяемого слова (примеры даем без транскрипции): — Таиз кельшиз-а гуре, ӧз-а? — Эшшо ик мукетсэ кырӧа али, уг меда шедьты кельшымонзэ? (Munkácsi 1952: 28—29) «Эта понравилась мелодия или нет? — Спой-ка еще другую, не найду ли подходящую».

Можно полагать, что позиция согласованного определения перед определяемым словом закрепилась благодаря относительно устойчивому характеру порядка слов «определение + определяемое». Случаи обособления определения после определяемого имени в современном удмуртском языке встречаются реже, доминирует несогласованный тип препозитивных определений.

II. Неполное согласование (во множественном числе) осуществляется в удмуртском языке между компонентами таких определительных словосочетаний, зависимое слово которых может принимать суффикс *-эсь(-есь)*: *Жужытэсь писпуос «высокие деревья», шулдыресь ульчаосын «на веселых улицах», сайкытэсь синъёсаз «в его ясных глазах». Котькытын паймымон чебересь городъёс жутомы. Паськытэсь лудъёсын удалтэм ю-няньёс гыало (Жинг., 260) «Повсюду поднимем удивительно красивые города. В просторных полях колышутся урожайные хлеба».*

Суффикс *-эсь (-есь)*, сфера его употребления в удмуртском языке является малоизученной. А. С. Бабинцев (1933: 35) впервые отмечает, что только в некоторых случаях перед определяемым существительным мн. числа прилагательное употребляется с суффиксом *-эсь(-есь)*. Этот суффикс, как указывает А. А. Поздеева (1940: 68), может присоединяться к качественному прилагательному. Удачным является, на наш взгляд, краткое замечание С. П. Жуйкова (1933: 70) о том, что «... *-эсь(-есь)* ставится при прилагательных мн. числа тогда, когда мы усиливаем значение прилагательного (об этом же см.: ГСУЯ 1962: 128). В «Грамматике современного удмуртского языка» (1970: 16—17) об употреблении рассматриваемого суффикса говорится следующее: «Качественные имена прилагательные, отдельные причастия (на *-мон, -тэм, -ано, -оно*) при поясняемых существительных мн. числа могут принимать аффикс *-эсь(-есь)*».

Как показывают наши наблюдения, с суффиксом *-эсь(-есь)* употребляются главным образом качественные прилагательные. Но фактически бывает трудно определить сферу их функционирования. Так, например, указанные суффиксы мн. числа могут присоединяться к служебным словам определительно-сравнительных конструкций (кион быдзэаесь пуныос «собаки величиной с волка», кикур пасътаесь юшъёс «окуни величиной с ладонь», мынам кадесь малпанъёссы «мысли как у меня»), некоторым относительным прилагательным (килограммъемесь карпъёс «килограммовые карпы», зортэмесь дыръёс «недождливые времена»). Предложения: Соослэн мынам кадесь куректонъёссы но, малпанъёссы но өвёл, дыр (Крас., 12) «У них нет, наверное, ни печалей, ни дум, какие у меня»; Кытысь сыçe бурдоесь малпанъёс, визьнодъёс но быгатон пörмо меда? (Шир., 9) «Откуда же получают такие крылатые мысли, сообразительность, умение?». С другой стороны, в контексте бывает стилистически нежелательным (или невозможным) присоединение суффикса *-эсь(-есь)* к качественному прилагательному.

тельному, относящемуся к существительному во мн. числе: Вань вырезем юнме: пальпотыса, шунды пиштэ шуныт тылсиосын (Яшин, 31) «Напрасны все ее (зимы) старанья: с улыбкой светит солнце яркими лучами»; Кӧтсы тырем-марам бере, выль эшъёс тыл котыре пуксыса вераськыны кутскизы (Кон., 42) «Наевшись, новые друзья сели у костра и начали беседовать».

Очень редко (в поэзии, песне) препозитивное прилагательное с суффиксом мн. числа, а определяемое существительное в ед. числе: Тулыс зор небытэсь шапыкен усылэ, со умой будослы (Жужаз, 86) «Весенний дождь падает нежными каплями, это полезно растению»; Вало но возь вылын кык чебересь льӧмпу сад, ойдолэ, эшъёс, со сад улэ шудыны (Жинг., 107) «У Валы на лугах две красивые черемухи, пойдёмте, друзья, в этот сад играть».

По-видимому, суффикс -эсь(-есь) при препозитивном определительном слове бывает необходимым не столько для согласования во мн. числе, сколько для логического выделения определения в стилистическом плане. Об этом говорят, кроме указанных выше, и такие факты: 1) определительные слова, которые потенциально могли бы оформляться суффиксом мн. числа -эсь(-есь), употребляются при определяемом имени преимущественным образом без аффикса, примыкая к нему — жужыт юртъёс «высокие здания»; 2) при присоединении к определению, имеющему суффикс мн. числа -эсь(-есь), выделительно-указательного суффикса -эз(-ез), -ыз добавляется второй суффикс мн. числа -ёс, употребляющийся при именах существительных — жужытэсьёсыз писпуос «высокие деревья».

При сборе фактического материала на употребление препозитивных определений с суффиксом -эсь(-есь) в источниках различного характера выявилось, что в текстах Б. Мункачи их очень мало, в романе Кедре Митрея «Вуж юрт» (Ижевск, 1926) и сборнике «Удмурт пословицаос но поговоркаос» — нет, в журнале «Кенеш» и других произведениях отмечены в небольшом количестве, а больше всего найдены в поэтических текстах и сборнике песен.

Соответствующий удмуртскому -эсь(-есь) коми -ӧсь к препозитивным определительным словам не присоединяется, исключением являются некоторые коми-пермяцкие говоры (см. Баталова 1975: 238, 240): Кӧчас бурӧс' туййэз «В Кочеве хорошие дороги».

В коми языках согласованные определительные слова с суффиксом мн. числа -ӧсь употребляются при отрыве (обособлении) от определяемого имени: к. Гӧнсялӧм кокъясаӧсь, муыв

галькийон тыра зобьясабсь — чов олісны сълаяс (Сидоров 1953: 8) «С ногами, покрытыми пухом, с зобами, наполненными галькой, молчали рябчики»; кп. Бурось сулалоны луннэз: шоньтось, кось (Кривошекова-Гантман 1985: 618) «Погожие стоят дни, теплые, сухие». При эллипсисе определяемого имени во мн. числе определительное слово, подвергаясь неполной субстантивации и заменяя его функции, также принимает суффикс -ось, а иногда суффикс мн. числа имен существительных -яс: кп. Отпыр гарйышти и еджытыкось да ёныдикось петісö (Баталова 1975: 166) «Раз копнул и беленькие да крупенькие вышли (о картошке)»; к. Аддзысисны кыськö кыз гөлөсьяс, вöсняяс, шөркостьяс (СКЯ 1955: 177) «Нашлись откуда-то низкие голоса, тонкие, средние». В удмуртском языке определения указанного типа редки.

Указанные суффиксы -эсь(-есь), -ось в пермских языках часто присоединяются к предикативным определениям, которые согласуются во мн. числе с подлежащим (и в случае инверсии): у. Сыёеесь соос милям, етйзэсь (Молот, 1985, № 11, 28) «Такие они у нас, бойкие». кп. Гожумся луннэз гажабсь, шоньтось (Кривошекова-Гантман) «Летние дни ясные, теплые». В редких случаях предикативные определения в пермских языках не согласуются с подлежащим во мн. числе: у.— Тйръёс лэчыт али,— вазиз но серектйз улмопулы (Крезь, 26) «Топоры еще острые»,— сказал и улыбнулся яблоне»; к. Войяс дженьыд, лунньяс кузь (СКЯ 1955: 165) «Ночи короткие, дни длинные». Следует отметить, что в коми языках, в отличие от удмуртского, суффикс мн. числа -ось могут присоединять различные типы предикативных слов (существительные в местном и исходном падежах, наречия места, причастия...— см. СКЯ 1967: 16): Ми танось «Мы здесь»; Медбур трактористьяс мян колхозыньось «Самые лучшие трактористы в нашем колхозе». Ср. также форму глагола 3 лица мн. числа II прошедшего времени: к. мунöмабсь (кп. мунöмась) — у. мынйллям «они пошли».

Подытоживая изложенное, можно отметить следующее: 1) в коми языках (за исключением некоторых коми-пермяцких говоров) отсутствуют препозитивные согласованные определения, характерные для удмуртского языка; 2) в коми языках богаче представлены согласованные определения обособленного характера и согласованные предикативные определения; 3) в удмуртском языке согласованные определения, имевшие первоначальную функцию выделения в постпозиции, закрепились в позиции перед определяемым именем путем постепенного употребления в препозиции, чему способствовал относительно устойчивый (в отличие от коми языков) порядок слов «оп-

ределение + определяемое»; 4) в пермских языках доминирует в целом несогласованный тип определительной связи.

СОКРАЩЕНИЯ

Жинг.— Жингырты удмурт кырӑн. Ижевск, 1960; Жужаз шунды (сборник). Ижевск, 1974; Кон.— М. Коновалов. Гаян. Ижевск, 1958; Крас.— Г. Красильников. Вуж юрт. Ижевск, 1976; Крезь — Н. Байтеряков. Крезь бурд улын. Ижевск, 1981; Молот (журнал); Шир.— Вас. Ширококов. Ошмес жилььртэ ваньмызлы. Ижевск, 1980; Яшин — Д. Яшин. Ортчисьтэм егит дыр. Ижевск, 1959; Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs (—MSFOu, 102). H., 1952.